

Персона

УЧЕНЫЙ

Погодные условия

Академик НАН Беларуси Владимир Логинов — об опыте работы с американскими учеными, о встрече с Анной Ахматовой и подготовке кадров для климатических исследований

Ольга ПОКЛОНСКАЯ

Обычно с главным научным сотрудником Института природопользования Национальной академии наук Беларуси, академиком, профессором, лауреатом Государственной премии Беларуси Владимиром Логиновым встречаются, чтобы обсудить проблемы изменений климата. Но в этот раз я решила побеседовать с авторитетным ученым о призвании, времени и о судьбе.

В школу под вой волков

— Вы родились в Городокском районе за год до войны. Остались ли какие-то воспоминания о ней?

— Яркое помню только два эпизода. Первый — отступление через деревню немецких танков и мать на коленях перед иконой. Второй — мужчина стучит костылем в окно и входит в дом. Мама говорит, что это отец.

Перед войной его перевели начальником лесоучастка в г. п. Юратишки Лидского района. В первые дни Великой Отечественной папа ушел на фронт. А мама со старшим братом Леонидом и мной собралась эвакуироваться, но немцы около Бобруйска отрезали путь, и мы остались на всю войну в Кличевском районе. После победы наша семья вернулась домой, в Городокский район.

— Каким вы вспоминаете свое детство?

— Мы росли самостоятельными и приспособленными к жизни. В 5-й класс я пошел в школу, которая располагалась в 9 км от лесоучастка. До сих пор помню вой волков, он нередко сопровождал меня по пути. 8-летним мальчишкой брал жестяную банку, спички и шел на озеро ловить раков. Наловлю, разожгу костер, сварю их и несую домой угощать семью. В 14 лет я покинул отчий дом и поступил в Старооскольский геологоразведочный техникум имени И. И. Малышева в Белгородской области. С тех пор чувствовал себя взрослым и сам принимал все решения.

Выбор романтика

— Чем был продиктован ваш выбор учебного заведения?

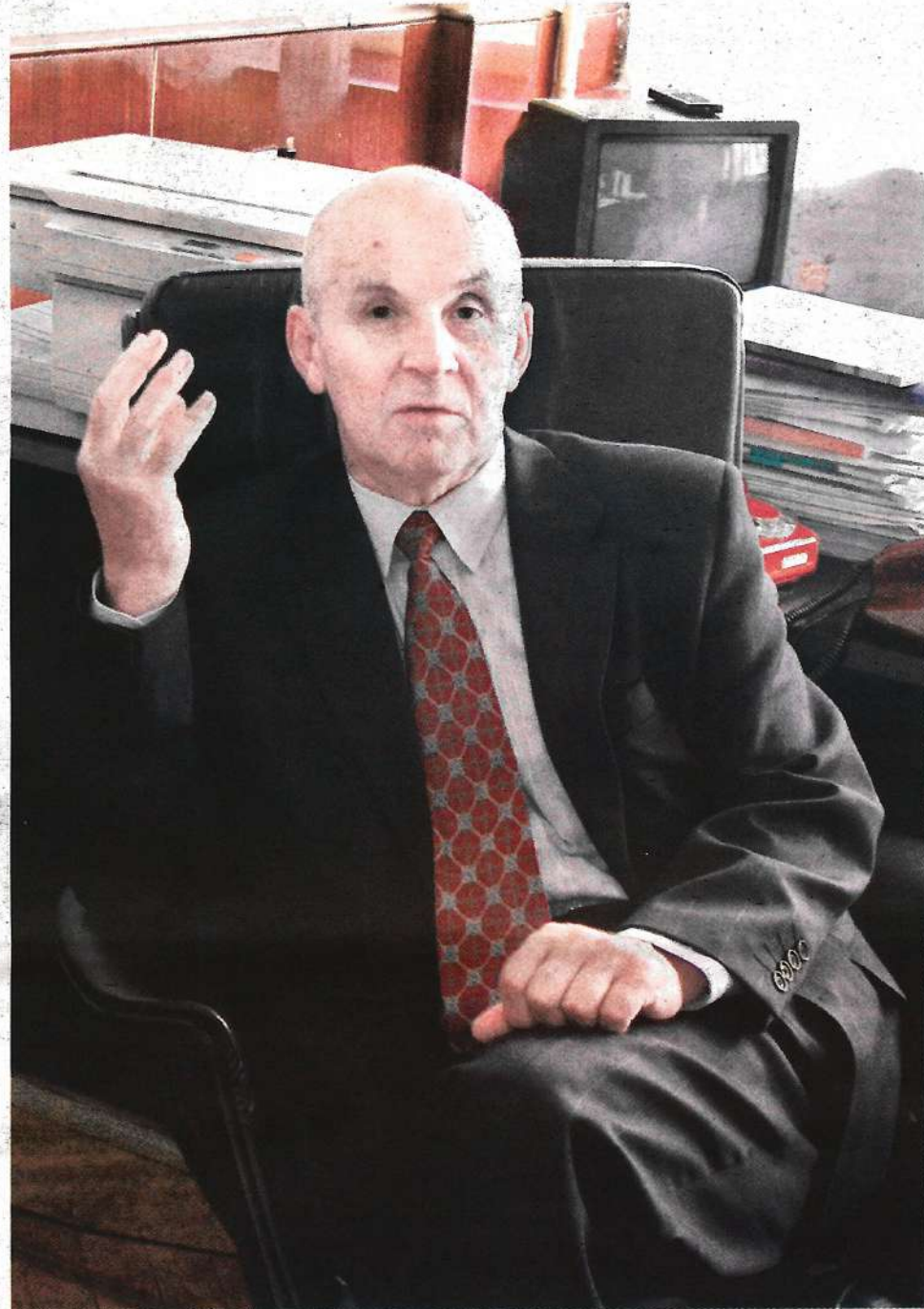
— В детстве очень любил читать. Профессия геолога представлялась мне невероятно романтичной. Я жаждал странствий и впечатлений.

— Что побудило заняться климатологией?

— Все та же романтика. На 3-м курсе техникума вдруг захотелось связать свою жизнь с морем. И это желание привело на арктический факультет Ленинградского высшего инженерного морского училища имени адмирала С. О. Макарова (в настоящее время морская академия имени С. О. Макарова). Там я повстречал замечательных педагогов, которые помогли найти себя. Получив специальность «Океанология», продолжил образование в аспирантуре на кафедре метеорологии и климатологии Ленинградского государственного университета.

— За свою жизнь вы успели поработать в разных коллективах. Какие этапы профессионального становления оказались для вас особенно значимыми? Что оставило самый глубокий след в памяти?

— Огромную роль в моем формировании сыграла прежде всего Главная геофизическая обсерватория имени А. И. Воейкова в Ленинграде — старейшее научно-исследовательское учреждение России. В мое время там работали 1 250 человек, из них 35 докторов наук и более 200 кандидатов. Потенциал коллектива был исключительно высоким. Со временем я дорос там до заместителя директора. Приятные воспоминания остались о годах работы в Сибирском институте земного магнетизма, ионосфе-

В 5-й класс я пошел в школу, которая располагалась в 9 км от лесоучастка. До сих пор помню вой волков, который нередко слышал по дороге. 8-летним мальчишкой ходил на озеро ловить раков. Наловлю, разожгу костер, сварю их и несую домой угощать семью.

ры и распространения радиоволн СО АН СССР (сейчас Институт солнечно-земной физики СО РАН). Средний возраст его сотрудников был около 30 лет. Мы были молоды и полны энтузиазма. Необыкновенно полезным стал и опыт работы в Стэнфордском университете.

— Как вы туда попали в годы так называемого застоя? Каким было ваше «открытие Америки»?

— В 1970-х годах президент США Ричард Никсон и Генеральный секретарь ЦК КПСС Леонид Брежнев подписали соглашение в области охраны окружающей среды. В рамках достигнутых договоренностей был предусмотрен обмен научными сотрудниками между странами. Мне повезло оказаться в их числе. Полгода работал в Институте физики плазмы Стэнфордского университета в лаборатории, которую возглавлял профессор Д. Вилкоккс. Меня многое там поразило. Первое время не мог разобраться, кто начальник, а кто подчиненный, настолько демократичная атмосфера царил в коллективе. Дважды в день сотрудники собирались на кофе-брейк для неформального общения. В институте жестко не контролировали время прихода и ухода. Но при этом не-

которые задерживались до позднего вечера. Кроме исследований в лаборатории наша группа (всего 7 штатных сотрудников) вела наблюдения в астрофизической обсерватории. Меня поразили феноменальная работоспособность американцев, их отношение к своему делу.

Всё решают кадры

— Вы возглавляли Институт природопользования академии наук (тогда он назывался Институт проблем использования природных ресурсов и экологии) в непростое время — с 1997 по 2008 год. Чем из сделанного за этот период гордитесь больше всего?

— Долгое время он назывался Институт торфа. Считаю, мне удалось сформировать природоведческое направление, расширить рамки исследований. Моей мечтой было создать в Беларуси институт климатологии. К сожалению, неоднократные попытки ее реализовать не увенчались успехом.

— Но в прошлом году в рамках вашего института появился Центр климатических исследований.

— Да, и при наличии условий со временем он может стать институтом. Сей-

Часто чувствую себя неформатным на нынешнем пиру. И ничего не могу с этим поделать. Мне кажется, в советское время было больше людей с активной гражданской позицией, заботящихся об интересах дела, а не только о себе.

час эта структура в стадии организации. Самая острая проблема — кадровая. Метеорология и климатология — науки физико-математического профиля. У нас пока специалистов нужной квалификации единицы. Давно пытаюсь создать кафедру геофизики на физическом факультете БГУ для их подготовки. Не удается. Но выхода у нас нет: нужно либо растить кадры у себя, либо направлять перспективную молодежь на обучение в Россию или дальше зарубежье. Любое государство несет огромные потери от неблагоприятных природных и климатических явлений. Именно поэтому необходимо развивать науку в данном направлении. Считается, что, если корректно использовать гидрометеорологическую информацию в народном хозяйстве, иметь достоверные прогнозы, можно сократить потери по крайней мере на 30 %.

Не только время виновато

— Читала о вашей многолетней дружбе с известным исследователем Арктики и Антарктики, Героем СССР и Героем России Артуром Чилингаровым. Что вас объединяет?

— Мы вместе учились в Макаровке, жили в одном кубрике. Это необыкновенно сплачивает. Не только с Артуром, но и с остальными товарищами сохранил прекрасные отношения. Из 13 человек, которые были в нашей группе, вышли 5 докторов наук, несколько кандидатов, 3 лауреата Государственной премии. В этом году исполняется 60 лет с момента нашего поступления и 55 после окончания училища. К сожалению, из 13 в живых остались только 3.

— Правда ли, что вы виделись с Анной Ахматовой?

— Однажды я видел Анну Ахматову во дворе Шереметьевского дворца на Фонтанке, и эта пожилая величественная женщина с гордой осанкой запомнилась навсегда. Позже в здании Института благородных девиц я посещал лекции ее сына, замечательно ученого Льва Гумилева, и был восхищен его эрудицией.

— Вы считаете себя баловнем судьбы?

— Нет. Хотя могу сказать судьбе спасибо за то, что остался жив в годы войны, за то, что повезло с учителями, профессией и семьей.

— Что вас сегодня огорчает?

— То, что наукоемкость ВВП в Беларуси около 0,5 %, а в развитых странах — 3-4 %. Остаются у меня вопросы к эффективности управления наукой: этим не всегда занимаются компетентные специалисты. Признаюсь честно: часто чувствую себя неформатным на нынешнем пиру. И ничего не могу с этим поделать. Мне кажется, в советское время было больше людей с активной гражданской позицией, заботящихся об интересах дела, а не только о себе. Редко встречаю в окружающих надежность. Заметно трансформировалась интеллигенция. Почему так случилось? Кто виноват? Я согласен с поэтом: «...Но не обманывай, мой брат, что это время виновато, а ты совсем не виноват».